

МАРИНА
МОСКВИНА
КРИО

МАРИНА
МОСКВИНА
КРИО

РОМАН

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М82

Художественное оформление Андрей Бондаренко

Книга оформлена акварелями и графикой
Леонида Тишкова

Москвина, Марина Львовна.

М82 Кριο : роман / Марина Москвина. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 636, [4] с.: ил. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-186210-7

Роман “Крио” Марины Москвиной, словно сундук главного героя, полон достоверных документов, любовных писем и семейных преданий. Москва, старый Витебск, бродячие музыканты, авантюристы всех мастей, странствующий цирк-шапито, Америка двадцатых годов, горячий джаз и метели в северных колымских краях, ученый-криолог, придумавший, как остановить Время, и пламенный революционер Макар Стожаров — герой, который был рожден, чтобы спасти этот мир, и у него почти получилось...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-186210-7

- © Москвина М.Л.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление.
- © Тишков Л.А., иллюстрации.
- © ООО “Издательство АСТ”.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Обитатели вечного настоящего	9
2. “Если мы заглянем в улей...”	71
3. “Пусть он увидит город Гелиополь...”	135
4. Между дьяволом и синим морем	195
5. “Да здравствует всёчество!”	257
6. Р-революционный дракон в высохшем дереве	319
7. Галоп Фауста и Мефистофеля на черных конях	385
8. Прямоходящие великаны будущего	447
9. “Мы будем вечны, как лед!”	503
10. Аргонавты Вселенной	569

Древо Макара Стожарова и
древо Бориса Таранды

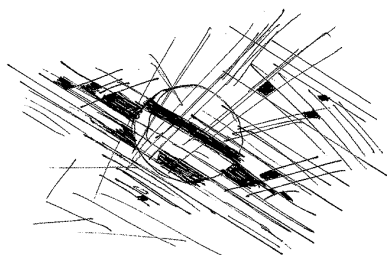

Древо Ионы Блюмкина

1.

**ОБИТАТЕЛИ
ВЕЧНОГО
НАСТОЯЩЕГО**

Всё, что меня интересует, — это великая тайна жизни.

Кто — человек в центре толпы теней, которого я отчего-то считаю собой?

Что он здесь делает — песчинка, захваченная водоворотом имен и форм, в пространстве, которое ему явно снится? Что знает о смысле и цели он, погруженный в гущу материи и оглушенный суматохой этого мира?

Отчаяние или безумное ликование ударит в сердце или его просто смех разберет, дикий хохот, когда обнаружит он собственную версию мира настолько далекой от истинного положения вещей, буквально — никакого отношения?

И в чистоте, сияющей ясности, которая поглотит его, в пульсирующей этой живой пустоте начнет он видеть — что невозможно увидеть? Слышать — что невозможно услышать? Касаться того, к чему невозможно прикоснуться?..

Стеша мне говорила, у африканского племени химба есть слово “танаука”, оно означает крутой поворот, большие перемены. Причем это может касаться чего угодно: пустыни после дождя, внезапно разгоревшейся любви, рожденья, смерти, ну, я не знаю, боевого креще-

ния. Короче, жгучий миг, когда человек ощущает хотя бы неуловимое изменение судьбы.

— При этом химба оглядывается и смотрит на прошлое как на прекрасную реку, которая искрится вдали, — говорила Стеша. — А в конце пути, завернувшись в лучшую свою накидку, он спокойно присоединяется к праотцам, которые живы для него, у них он просил помощи и чудес на земле. Ну и на небесах, естественно, рассчитывает на подмогу...

Вот так бы и мне, когда придет пора, вернуться в шаль с безрассудным узором, сплетенным из старых разноцветных нитей с преобладанием синей пряжи. (Я с ума схожу по синему с голубым. И не обязательно должно быть это небо, море, снег, сумерки или, ну, я не знаю, *взгляд бездонный твой, напоенный синевой...* Пусть даже стена казенного дома, больницы или милиции, если она покрашена незамысловатой синей эмульсией — мне как-то легче на душе.)

Да, вернуться в шаль, связанную из распущенного платья Стеша, хранящую по сей день еле уловимый Стешин запах, вздохнуть и взлететь — к ним, чьи тела и лица возникают передо мной подобно призракам, едва различимые в дневное время, но полностью видимые, когда опускается ночь.

Всё это не так уж четко обрамлено, их присутствие можно ощутить в любое время. Просто не совсем ясно, где оно начинается и где заканчивается. Вот за этим деревом? После этого облака?

Ибо существуют моменты, когда наши глаза открыты и отдыхают на чем-то, остановившись, и каждая деталь, взгляд, слово, свет, падающий на лицо от соломennого абажура, темные деревья в окне, стук антоновки о землю, грохот нескончаемого товарняка, теплая рука Геры, возложенная тебе на макушку, Стеша, бредущая босиком вдоль Балтийского залива в синем платье, облегающем фигуру с картины Боттичелли “Рождение

Венеры”, хлынувшее солнце сквозь листву, когда ты взлетаешь на качелях, высокая температура и запах камфары, водочный компресс на больных ушах, бабушкин платок, накинутый на лампу, русобородый Сенька, поблескивающий очками сквозь прутья клетки с говорящим скворцом Джоном Ленноном, сосновый бор весь в снегу на станции Кратово, завьюженная электричка, июльский пруд, кувшинки, деревянная лодка, ржавые ключины, брат Ярослав, живой, сероглазый, с таинственной улыбкой, дедушка Боря и его обязательный букет чайных роз на день рождения, витебский кларнетист Иона Блюмкин – внезапно запечатлеваются в памяти.

Но не приблизиться бы, не поравняться, не прикоснуться, если б из междуцарствия, из бесконечного голубого простора, по рассеянности, как бы случайно, не послали навстречу настоящую волшебную птаху, мудрого сверчка, луговую бабочку...

И одухотворенные столь благоприятными знаками, обитатели вечного настоящего, мы переплываем часовые пояса прошлого на грандиозном трехпалубном пароходе “S.S. Еурога”, вместе с Борей (мы его звали – Ботик!), работником торгпредства СССР в Соединенных Штатах, который в октябре тысяча девятьсот тридцать четвертого года с семьей возвращается домой из Америки.

Вон он – стоит на палубе, мой бесподобный дед, в шляпе с бантом цвета темного никеля, незамятой: дно тульи параллельно линии горизонта, в длинном клетчатом пальто из прекрасного бостона с завышенной талией, хлястиком и манжетами. Отутюженные стрелки брюк, удобные ботинки, повторяющие контур ступни, а поверх шнуровки – изысканные гамашы светлого сукна с лямкой под каблук. Истинный джентльмен в четырнадцатом колене, Джек Восьмеркин – американец, наяву, а не во сне пересекающий Атлантический океан.

Облокотившись на бортик, он придерживает сидящего на перилах шестилетнего дядю Валу в черном котелке, словно какого-нибудь отпрыска заморского аристократа. Мой папа Гера восьми лет – в двубортном пальто с отложным бобровым воротником, тоже в респектабельном котелке с перехваченной лентой тульей, в чулках и лакированных туфлях, глядит исподлобья – солнце слепит глаза. И совсем юная Ангелина, немка, Ангелина Корнелиусовна Беккер, положила руки ему на плечи.

Какие виртуозные портные придали ее одеянию столь мягкий, текучий силуэт? Что за уютные меха накинуты на плечи и опоясывают запястья? Какие сложные по фасону туфельки, тонкие кожаные перчатки с пряжками, шелковые фильдеперсовы чулки, которые в эпоху Великой депрессии ввели в обиход шансонетки – сестры Долли!

В России такие тонкие прозрачные чулки загорелого цвета стали носить только в конце тридцатых годов. До этого обладать подобными чулками, по большей части импортными, считалось непростительной роскошью, благодаря их дороговизне и непрочности. Стеша говорила, с этими чулками жуткая морока: надо было их постоянно штопать на граненых стаканах или деревянных грибах, поднимать петли, следить, чтобы шов сзади был ровно расположен. К тому же после Первой мировой войны за пару шелковых чулок, полученных, к примеру, бандеролью из Нью-Йорка, могли не только посадить, но и расстрелять: связь с заграницей – нештучное дело. Только в тридцать восьмом году Стешинной маме, бабушке Пανε, на годовщину революции подарили первые нейлоновые чулки. Вскоре началась война, всё это можно было достать лишь втридорога на черном рынке. Поэтому Паня и ее соратницы из Моссовета до зимней эвакуации в Казань красили ноги чайной заваркой и рисовали шов сзади карандашом для бровей.

А моя золотая бабушка Ангелина — в тридцать четвертом — со своей сказочной фамилией и национальностью, давшей миру великого Гёте, Шиллера, Бетховена, братьев Гримм, а заодно и поэта Курта Басселя (чья жизнь и творчество двадцать лет спустя лягут в основу дипломной работы Стеши, и та ее триумфально защитит на романо-германском отделении филфака МГУ, демобилизовавшись из армии после победы над Германией), стройная, высокая Ангелина Беккер ласково глядит с фотографии, грустно улыбаясь, снятая во весь рост — в тех самых искрящихся чулках, недостижимых для простой смертной женщины! И это великолепие венчает маленькая с отворотом фетровая шапочка с кремовым перышком надо лбом.

В грузовом трюме плыли с ними в Москву три весьма габаритных предмета: радиола, холодильник и американский автомобиль “Форд”.

Длинные тени — наверное, день клонился к закату — упали на поверхность океана, вскипающего бурнами. За спинами у них расстился необозримый встревоженный океан.

Ботик — сын Фили Таранды с Покровки — родился с первыми петухами на закате девятнадцатого века, в русском народе этот июльский денек звали Прокл Великие росы.

Действительно, утром на траву обильная выпала роса. Филя вынес Ботика из дома и окунул в густой речной туман, омыл от макушки до пяток росой: считается, что Прокловы росы целебны и защищают от недоброго глаза.

Через пару часов на Песковатиках из благословенного чрева Доры Блюмкиной вынырнул товарищ Ботика, Иона. Легенда гласит, что в руках его был маленький медный кларнет. И вместо традиционного младен-